

Судьба России всегда была судьбой поэта Николая Рубцова. Во многих стихах он создал её поэтический образ и написал о ней как сын своего времени, увидев её глубинную суть, в которой отразились и судьба русского человека, и красота русской природы. Это огромное поэтическое пространство, где всё на виду, где нет ни одного утаённого уголка:

Россия, Русь — куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы..

Неотделимость Николая Рубцова от России, его насыщенность Россией были определены и его судьбой, и его неповторимой философией, которая стремится передать ощущение полноты жизни через русский пейзаж, который блещет красками, наполнен звуками, движением, и во всём — ощущение правды.

Вспомним слова одного из однокурсников по Литинституту А. Чечётина, который напишет в своих воспоминаниях: «И ведь только теперь, читая и перечитывая вновь его (Рубцова — Л.Ф.) стихи, понимаешь, до каких глубин духовного прозрения поднимался он уже тогда, когда вместе с нами или один бродил „вдоль улиц шумных“, с какого неба озарения он снисходил к нам в прозу жизни, в суету так называемых „проблем“».

Настоящая творческая зрелость приходила к поэту в течение всей его жизни. Николай Коняев назвал его «путником на краю поля», который сознательно шёл к Храму, содержанием этого Храма было Слово, ставшее его призванием и судьбой.

Николай Рубцов прожил очень короткую жизнь. Он мог бы ещё сейчас быть нашим современником: 3 января 2021 года ему исполнилось бы 85 лет. Уже полвека поэта нет среди нас, но с годами его популярность в России и за рубежом становится всё шире и шире. География его поэзии — это прежде всего человеческая душа, которая живёт чувством родства с землёй, со своим народом: он всматривается в русскую действительность: в скромный быт деревень, пустынные дороги, в небеса, «горящие от зноя», вслушивается в жалобный крик болотной птицы — и видит, что нет конца всему живому на земле, если «душа хранит» всё это в памяти. Есть у Рубцова такие строки:

Острова свои обогреваем

И живём без лишнего добра,

Да всегда с огнём и урожаем,

С колыбельным пеньем до утра..

Для поэта, прожившего большую часть своей жизни бесприютно, без своего угла, дорог был каждый уголок русской земли, который связывал его с понятием «Родина».

Будучи сыном «морских факторий», а потом став гражданским человеком, Рубцов никогда не засиживался на одном месте. Он искал в своей жизни «острова», которые согревали его душу, особенно в самые сложные периоды его жизни.

Даже на морских перекрёстках, среди молчаливого простора, где только прибой гремит во мгле, он находит близкий для своей души островок. Это обветренная скала, на которой одиноко стоит маленькая северная берёзка. Она будто хочет прошептать в молчаливом просторе вослед судам: «Счастливого пути!» или «Ангела в дорогу!»

Немало за свою жизнь повидал островов Николай Рубцов во время работы на тралфлоте и службы на Северном флоте. Например, настоящий край земли, после которого идут только арктические льды, — скалистую громаду в Баренцовом море — суровый безлесый остров Кильдин, который смотрится над тёмными арктическими водами, как крепость. Во время Великой Отечественной войны здесь был секретный объект — запасной аэродром истребительной авиации, а теперь на нём совсем нет людей, осталась только ржавая военная техника и недостроенные жилищные объекты. От этого острова веет холодом, и только «хороший улов» вблизи него согревает души рыбаков.

Здесь рождаются добрые вести,

Что обрадуют мурманский стан!

А на мостике в мокрой зюйдвейстке

С чашкой кофе стоит капитан.

Островов, которые бы согревали душу поэта, было не так уж много в его жизни, но они были ему очень дороги. Это прежде всего детский дом в селе Никольском Тотемского района Вологодской области, с которым связаны его воспоминания о трудном военном и послевоенном детстве. Именно деревня Никола была в его жизни спасительным островом, куда возвращался он после неудачных попыток поступить в мореходное училище в Риге, а потом — в художественное училище в Ленинграде. Живописный, на зелёных холмах, богатый храмами, старыми деревянными домами, город Тотьма тоже манил его к себе: здесь он встретился с первой любовью, с друзьями юности, среди которых был будущий замечательный вологодский прозаик Сергей Багров, запечатлевший свои воспоминания о поэте в книге «Россия, Родина, Рубцов». С Сергеем Багровым Николай Рубцов учился в Тотемском лесотехническом техникуме.

Судьба их сводила и на заготовке дров для техникума, когда приходилось, выполняя свою норму, спать в шалаше, согреваясь у ночного костра, а утром — горячим чаем, заваренным смородиновым листом. Позже были встречи в редакции районной газеты, в родительском доме Сергея Багрова или на улицах Тотьмы, где во время прогулок, чувствуя под ногами снежок, друзья читали друг другу стихи. Сергей Багров напишет в своей книге: «Если Тотьма пленяла Рубцова нерастраченной русской душой, глядевшей из окон каждого дома, каждой калитки, каждого палисада, то Никольское волновало его близостью встреч с родными полями, мостиком через Толшму, двухэтажным старым детдомом и, конечно, любимицей — дочкой Леной». И хотя Николай Рубцов, по словам Сергея Багрова, скрывал свою отцовскую нежность к ней, иногда «она прорывалась в нём через край».

Таким же островком, согревающим душу Николая Рубцова, был дом вологодского писателя Василия Белова в деревне Тимонихе, где всегда гостеприимно принимали поэта, и не только Василий Иванович, но с чуткостью и материнской заботой относилась к Рубцову его мать, Анфиса Ивановна. Николай Рубцов нередко помогал ей по огороду. В этом доме каждая половица, каждое брёвнышко, каждая вещь светились добротой и щедростью женщины, потерявшей в годы Великой Отечественной войны мужа и отдавшей всю свою жизнь воспитанию трёх сыновей и двух дочерей. Анфису Ивановну Николай Рубцов называл только «мамой» и часто показывал ей пачку исписанной стихами бумаги, когда гостил в Тимонихе.

Таким же добрым островком была для поэта и квартира Василия Белова в Вологде, которая состояла из маленьких комнатусек, одна из них — кабинет писателя, в котором стояло два кресла, на одном из них нередко сидел писатель Виктор Астафьев. На журнальном столике обычно стояли чай и кофе. Рубцов читал свои стихи:

*Сапоги мои — скрип да скрип
под берёзою,*

*Сапоги мои — скрип да скрип
под осиною.*

*И под каждой берёзой — гриб
подберёзовик,*

*И под каждой осиною — гриб
подосиновик!..*

Оба писателя слушали молча его чтение — и в этом чувствовалась их радость, невыразимая словами. Такое же душевное тепло исходило к Николаю Рубцову от вологодских поэтов Александра Яшина, Сергея Викулова, Сергея Чухина, Виктора Коротаева.

Подлинным другом в Вологде для Николая Рубцова стала Нинель Старичкова, по своей профессии — медицинский работник, а по литературным занятиям — поэт, прозаик, редактор, написавший очень искреннюю книгу о Николае Рубцове «Наедине с Рубцовым» (в этом году Нинель Старичковой исполнилось бы 90 лет). В её квартире часто бывал, иногда даже ночевал, Николай Рубцов. Когда в 1969 году у Рубцова случился сердечный приступ, она доставала ему дорогие лекарства, следила, чтобы он вовремя их принимал. С большим уважением к поэту относилась мать Нинели Старичковой.

Любил Николай Рубцов приезжать в Архангельск, где широкая, полноводная Двина медленно несёт свои воды в сторону Белого моря, где мечутся над рекой беспокойные чайки и во всех направлениях движутся по ней катера, буксиры, теплоходы. В последний раз Николай Рубцов приехал в Архангельск в середине декабря 1970 года, незадолго до своей смерти. Многие запомнили его стоящим на берегу Двины, погружённым в какие-то думы. О чём он думал, когда смотрел на реку, полную жизни? Возможно, о годах далёкой юности, когда ему, шестнадцатилетнему подростку, пришлось столкнуться с тяжёлой работой рыбака-угольщика на старом промысловом траулере флота РТ-20 «Архангельск».

Вспоминались, наверное, душные, особенно в штормовую погоду, когда закрывались наглухо иллюминаторы, каюты-кубрики траулера, где, устроившись где-нибудь в уголке, будущий поэт слушал рассказы моряков, прошедших через войну, через потерю родных и близких. А может, вспоминал о том, как «Архангельск» в мае 1953 года был затёрт льдами в Белом море (винт стёрся, руль сломался, корпус смяло). Вывел его тогда изо льдов буксирный пароход, а после разгрузки траулер пошёл в Мурманск и стал на ремонт. Команда почти вся списалась, но юный Рубцов остался, работал за повара и за уборщицу, чтобы побольше получить денег и поехать учиться в мореходку.

Побывал Николай Рубцов в Архангельске по случаю того, что 12—13 октября 1970 года там проходило заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР во главе с Сергеем Михалковым. Среди 30 маститых писателей (Е. Исаев, В. Боков, О. Фокина, А. Романов, В. Астафьев, В. Белов и другие) последним был включён в списки Николай Рубцов. Тогда впервые в жизни за полученные деньги (гонорар за четвёртый сборник стихов) он сшил себе тёмно-синий костюм. Вечером 14 октября Николай Рубцов побывал на творческой встрече в Холмогорах, где присутствовали его земляки — холмогорцы, емчане, — и они встретили его выступление бурными аплодисментами.

Это было время, когда о Николае Рубцове начали говорить как о народном поэте-лирике. На заседании СП поэт Сергей Орлов, делая обзор северной поэзии, сказал о Николае Рубцове, что он в своей поэзии «раскрывает с естественной простотой

дыхания самое главное: традиционную и непреходящую сущность человеческого характера, сложившегося в активном общении с природой Русского Севера».

В 60-е годы, когда Николай Рубцов учился в Москве, в Литературном институте им. А. М. Горького (с августа 1962 года по май 1969 года), ему удалось посетить «таинственный и мистический Алтай», куда пригласили его в 1966 году (с начала мая до середины сентября) друзья по Литературному институту.

Один из них — Борис Укачин (1936—2003), жил в общежитии института вместе с ленинградским поэтом Сергеем Макаровым, который дружил с Николаем Рубцовым. Борис Укачин родился на Алтае в семье табунщика. После окончания школы поступил в Литературный институт. Впоследствии работал в газетах, где поднимал вопросы экологии, настоящего и будущего Алтая в своих публицистических статьях. Борис Укачин оставил после смерти поэта интересные воспоминания о нём в книге «Алтайское лето Николая Рубцова» (Барнаул, 2011), как и другие его алтайские друзья. Из этих воспоминаний видно, что Алтай стал для Николая Рубцова тоже островком тепла, добра и творческого подъёма. Это было сложное для поэта время, когда после отчисления из Литературного института его восстановили на заочном отделении.

Алтайские друзья видели, как не хватает иногда Николаю Рубцову душевного тепла в его бесприютной жизни. И, вместе с тем, они глубоко ценили его поэтический талант: общение с таким поэтом они расценивали как подарок судьбы. Борис Укачин напишет о Николае Рубцове: «С годами всё глубже и ясней становится его поэзия. Вчитываясь в неё, продираясь и проникая во мглу и свет поэтического слова моего друга, ошущую души я начинаю понимать, что он был нервом российской жизни. Был термометром, измеряющим температуру своего времени и окружения».

Гостеприимным для Николая Рубцова оказался дом алтайского поэта Василия Нечунаева (1939—2019), который тоже дружил с Николаем Рубцовым в Литературном институте, а после его окончания уехал в Барнаул, руководил литобъединением «Родник» при газете «Молодёжь Алтая».

Живя на Алтае, гостил Николай Рубцов и у Валерия Чичинова (1936—2016), с которым познакомился в общежитии, в комнате Бориса Укачина. Встречались с Николаем Рубцовым в Москве и на Алтае и другие алтайские поэты: Николай Черкасов (1938—1993), Леонид Мерзликин (1935—1995), Геннадий Володин (1936—2013).

Больше всего гостил Николай Рубцов у Геннадия Володина, который работал ответственным секретарём газеты «Восход» в Красногорском районе. В январе 1971 года, когда проходило краевое совещание алтайских литераторов, он прочитал во время перерыва в «Литературной России» сообщение о смерти Николая Рубцова, после чего Алтайская краевая писательская организация в полном составе почтила память поэта минутой молчания.

В памяти многих возникла тогда пророческая строка Рубцова: «Я умру в крещенские морозы...»

А ещё вспоминался Николай Рубцов в Красногорске, когда семья Геннадия отвела Рубцову детскую комнату, куда внесли кресло и небольшой круглый стол. Когда вносили, Николай Рубцов сказал: «Ты знаешь, Гена, у меня ещё никогда не было отдельной комнаты. Живу среди людей, как на вокзале или на дебаркадере». Геннадий Володин нашёл для поэта подходящую для данной местности обувь, готовил ему встречи с алтайской природой, пригласил на рыбалку к небольшой горной речушке. Именно здесь увидел впервые Николай Рубцов на сопках, на увалах огромное количество цветов с оранжево — красными венчиками (здесь их называли «жарками»). Срывая эти цветы, Рубцов нюхал их и улыбался. Однажды с большой корзиной они направились собирать на склонах горы клубнику, которой там было очень много. Ловили рыбу. Иногда попадался очень крупный таймень. Особенно поразили его две большие реки,

к «шуму и плачу которых» он всегда прислушивался. На берегу одной из них и был создан поэтический шедевр «Шумит Катунь» с такими проникновенными строками:

*Как мимо башен, идиолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал мотив её былинный...
В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные аилы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...*

И думаешь — совсем не случайно к этому шуму и ныне прислушивается, сидя на горе Пикет, отлитый из бронзы алтайский самородок Василий Макарович Шукшин, словно переключаясь с Рубцовым.

Любили алтайские поэты те мгновения, когда Николай Рубцов брал гитару и напевал песни на свои стихи. Звучали «В горнице моей светло», «Рукой раздвинув тёмные кусты», «Осенняя песня», «Я уеду из этой деревни»..

Геннадий Володин обратил внимание на то, что Рубцов вроде бы ничего не пишет (ручку никогда в руках не держит)..

Но Рубцов сказал, что пишет он много, потом постучал по лысеющей голове и сказал: «Здесь вот написанное. Сказать точнее, придуманное. Я ведь на ходу пишу. Привычка такая. Жизнь заставила. Иду и придумываю строки, твержу их про себя. Они у меня навечно в память врезаются».

На Алтае Николай Рубцов написал немало стихов за три летних месяца: «В сибирской деревне», «Весна на берегу Бии», «Шумит Катунь», «В горной долине». Эти и другие стихи, написанные в Сибири, отражают его особое поэтическое видение: здесь, в Сибири, нет следов праздности, безделья — всё наполнено и дышит животворной силой. На берегу Бии — трактора, волокуши с навозом, жеребьята, гуси, лошади, и всё это освещено ярким шаром восходящего солнца.

О своих алтайских друзьях он пишет с большой теплотой, даёт им глубокую характеристику: «Встретили меня хорошо. Человек, у которого я живу, поэт моего возраста. Беспокойный, холерического темперамента, но в общем хороший человек. И стихи пишет живые...»

Николаю Рубцову, который часто в Литературном институте прятался от комеданта, нередко ночевал в тех комнатах, куда его пускали, где приходилось спать на чужих кроватях, поездка на Алтай помогла на какое-то время избавиться от чувства смертельной усталости, когда и жизнь становится в тягость. Сибирь оказалась для него местом, от которого веет былинным могуществом.

Николай Коняев в книге «Путник на краю поля» пишет: «Несомненно, что именно в Сибири Рубцов сумел преодолеть назревавший в нём кризис, увидел другой, возможный для себя вариант жизни. Об этом его стихотворение „В сибирской деревне“:

*То жёлтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи...
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут-
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.»*

Редактор журнала «Алтай» Игорь Пантюхов познакомился с Николаем Рубцовым в Литературном институте после флотской службы (только он служил на Балтике, а Николай

Рубцов — на Северном флоте). В этой же компании (поэты, собравшись вместе читали друг другу свои стихи) были братья Эрнст и Валентин Сафоновы, Валентин Распутин, Александр Вампилов. Судьба уголовила Игорю Пантюхову и Николаю Рубцову ещё раз случайно встретиться на Алтае. Игорь готовил материал о фестивале советско-монгольской дружбы, проходящем в Манжероке. Момент встречи он описал так: «Увидели, что впереди нас по Чуйскому тракту идут два человека — один повыше, другой — пониже ростом, оба босые. Когда мы с ними поравнялись, я увидел, что тот, который пониже, — Коля Рубцов! Я был потрясён! Мы же с ним недавно в Москве встречались!.. Что его занесло вдруг к монгольской границе?!». Когда путников взяли попутчиками в машину, Николай Рубцов (а с ним был Валерий Чичинов из Горно-Алтайска) прочитал начало стихотворения «Старая дорога», которое рождалось, как утверждает Игорь Пантюхов, на Чуйском тракте.

...Здесь каждый славен — мёртвый и живой!

*И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...*

В это лето Николай Рубцов познакомился и с горным, и со степным Алтаем. Написанные здесь стихи были опубликованы в «Алтайской правде», а в начале сентября — в «Молодёжи Алтая». На гонорары от этих публикаций он уехал в Москву.

О Николае Рубцове пишут сейчас много. Но особенно важными для меня показались размышления Владимира Личутина: «Неуступчивый, взвихрённый человек, намертво перепоясанный вервью скитальца, Рубцов избрал для себя всю Родину одним большим гнездовьем: он хотел согреть его сиротской душой и обогреться в нём..». Развивая эту мысль, я хочу обратить внимание на некоторые ключевые слова, которые перекликаются с содержанием моей статьи. Это мысль о том, что Россия была для Н. Рубцова «одним большим гнездовьем», которое он «хотел согреть» «сиротской душой», куда бы ни бросала его судьба. Сокровенная правда мира открывалась Николаю Рубцову в пути, в дороге. Каждый миг в его стихах говорит о вечности, нетленности мира, земли-Родины, её судьбы, её пути и «навсегда запечатлён в душе, которая хранит всю красоту былых времён».

*И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...*

